
Елена К.
«Мокрая нитка»

Елена К.
«Мокрая нитка»

https://litres.ru/74784372
SelfPub; 2026

Аннотация

«Город хранит тайны — и не все они безобидны. Следователь Лазарева и её команда привыкли искать злодеев за ровными отчётами и идеальными диаграммами. Но однажды папки начинают рассказывать не только о преступлениях, а о памяти: капсула времени с письмами из 1962 года, пропавшие минералы со станции юных натуралистов, спрятанный архив, который должен был спасти парк Каждое дело — слой прошлого, который нельзя просто стереть. А рядом — рыжий кот Ключик, который лучше всех знает, какую папку греть, а какую — срочно читать. Это не просто детектив: это история о том, как город говорит с теми, кто готов слушать. О смелости спорить с цифрами, о ценности чужой заботы и о том, что даже маленькая правда способна удержать целый мир от обрушения. Для поклонников атмосферного городского детектива, где расследование — это ещё и бережное прикосновение к чужой истории».

Содержание

От автора	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

«Мокрая нитка»

От автора

Если вдруг покажется, что в этой истории мелькают знакомые названия, знакомые улицы или знакомые лица — не верьте глазам. Всё это игра света, тень от старого фонаря, случайное эхо.

Никакой «ПолимерМ» не сбрасывал пену в реку Мокрую Ольховку. Никакой капсулы у памятника первостроителям никто не закапывал. Ни одна папка с пометкой «Срочно, но без паники» не лежала на столе у следователя. И уж точно ни один кот по имени Ключик не устраивался спать на материалах дела, хотя, признаюсь, очень хотелось бы, чтобы такой кот существовал.

Все организации, все адреса, все должности и все подписи — придуманы. Все совпадения с реальными людьми, местами и событиями — чистая случайность, такая же редкая и необъяснимая, как снег в июле или тишина в отделе полиции.

А если кто-то узнает в инженере Соколове своего дедушку, в директоре станции юных натуралистов — любимую учительницу, а в Лазаревой — себя… что ж. Значит, эта история нашла свой путь. Не через факты, а через чувства. Не через документы, а через память.

Потому что правда не всегда в штампах и подписях. Иногда она прячется в интонации, в запахе мела и спирта, в том,

как мальчик знает, где лежал аметист, и в том, как кот греет папку, будто охраняет чью-то надежду.

И пусть эта надежда будет общей. Пусть она принадлежит не одному городу и не одному времени, а всем, кто когда-нибудь хотел, чтобы его услышали. Даже если не сразу. Даже если через шестьдесят лет.

Глава первая

Рабочий день в отделе начался как обычно: запах кофе, скрип стульев, чьи-то торопливые шаги по коридору и этот привычный гул, когда сразу десять человек говорят вполголоса, будто боятся спугнуть удачу. Виктория Семёновна Лазарева сидела за своим столом, перекладывая папки, и чувствовала, как день привычно ложится на плечи — тяжёлый, серый, удобный, как старое пальто.

На столе лежала стопка бумаг, сверху — свежая сводка по району. Она бегло пробежала глазами по строчкам: кражи, бытовая поножовщина, один подозрительный пожар в старом доме на окраине. Всё это она умела раскладывать по полочкам, как картотеку: сюда — мотив, сюда — возможность, сюда — свидетеля, который что-то недоговаривает.

А потом взгляд зацепился за строчку, которая вообще не должна была там быть.

«Тело женщины, 38 лет, обнаружено в сквере у музыкальной школы им. Сабанеева. Предварительная причина смерти — удушение. Личность установлена: Резвых Анна Павловна, преподаватель фортепиано».

Виктория Семёновна замерла, держа ручку над бумагой. Пальцы вдруг стали тяжёлыми, будто налились свинцом.

Анна Резвых.

Она знала это имя. Не из сводок, не из дел, а из того само-

го ящика стола, который она открывала редко и только когда никто не видел. Там, между старыми протоколами и выцветшими фотографиями, лежала тонкая папка с пометкой «Сабанеева-2019» — старое дело, которое так и не закрыли, потому что улики рассыпались, а свидетель исчез. И в том деле тоже мелькала музыкальная школа, и фамилия Резвых — правда, тогда она была просто «сотрудница», не жертва.

— Виктория Семёновна, вы в порядке? — Вадик Сомов остановился рядом, держа в руках пластиковый файл. Молодой, старательный, он всё ещё относился к каждому делу как к личному вызову, и от этого с ним было одновременно и легче, и тяжелее.

— В порядке, — ответила она, хотя сама себе не поверила. — Что там?

— Заключение от экспертов. И ещё… у нас есть видео с камеры у входа. Там кто-то выходит из сквера за пять минут до того, как тело нашли.

Она кивнула, не поднимая глаз. Взяла файл, открыла. На первой странице — фотография места происшествия. На второй — протокол осмотра. И вот там, в графе «Особые отметки», стояла одна короткая фраза, которую она прочитала дважды, прежде чем поняла, что её трясёт:

«На одежде жертвы — следы влаги, характерные для недавнего дождя. Однако в момент обнаружения тела осадков не было. Прогноз погоды на предыдущие 24 часа: без осадков».

Дождь, которого не было.

Это не просто деталь. Это трещина.

— Вадик, — сказала она, наконец поднимая глаза, — найди мне все записи с камер в радиусе километра. Особенно те, что смотрят на переулки. И узнай, кто из её коллег был в школе в тот вечер.

Вадик кивнул, но задержался, будто хотел что-то сказать.

— Ещё что-то? — спросила она сухо.

— Да… — он помялся. — Там на видео… человек в капюшоне. Он не бежит, не озирается. Идёт спокойно. Как будто знает, что его не увидят. Или как будто ему всё равно.

Виктория Семёновна снова посмотрела на строчку про дождь.

Если дождя не было, значит, влага с одежды — не от погоды. Значит, она была где-то, где мокро. В подвале? В котельной? Или… стояла под струёй воды, пока кто-то держал её за шею?

Она закрыла папку, но не убрала её. Просто положила сверху ладонь, будто удерживая прошлое на месте.

Сегодня этот день перестанет быть обычным. И она это знала.

В коридоре за дверью послышался резкий голос — высокий, нервный, с той самой интонацией, когда человек уже не просит, а требует, чтобы его услышали.

— Я не понимаю, почему мне нельзя туда пройти! Я её коллега! Я должна знать, что происходит!

Виктория Семёновна подняла голову. В проёме двери стояла женщина лет сорока пяти, в длинном тёмном пальто, с сумкой, которая явно была тяжелее, чем положено для обычной прогулки. Её лицо было бледным, а пальцы сжимали ремешок так, что костяшки побелели. Рядом с ней стоял дежурный, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Это отдел полиции, — спокойно, но твёрдо сказал он. — Проход посторонним запрещён.

— Посторонним? — женщина почти выкрикнула. — Я работала с Анной бок о бок семь лет! Я знаю каждую её привычку, каждый её секрет! Если вы не дадите мне сказать хоть слово, вы упустите что-то важное!

Вадик метнул на Викторию Семёновну быстрый взгляд, будто спрашивая: «Можно?»

Она чуть наклонила голову.

— Пропустите её сюда, — сказала она дежурному. — Но пусть говорит тихо.

Женщина вошла, и в комнате сразу стало как будто теснее.

— Меня зовут Елена Михайловна Костина, — выдохнула она, не дожидаясь вопроса. — Я преподаю сольфеджио в той же музыкальной школе. Я… я была с Анной в тот вечер. Мы задержались после уроков, потому что… — она запнулась, сглотнула, — потому что у нас была репетиция. Для конкурса.

Виктория Семёновна почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — как будто шестерёнка встала на место.

— Репетиция? — переспросила она. — В такое время?

— Да. У нас был номер, который мы готовили для городского конкурса. Анна очень хотела, чтобы всё было идеально. Мы сидели в классе до девяти, потом она сказала, что ей нужно зайти в подсобку — забрать ноты, которые она оставила там днём. Я хотела пойти с ней, но она отмахнулась: «Иди домой, Лен, я сама». И я ушла. А потом… потом мне позвонили.

Голос её дрогнул, и она резко отвернулась, будто стыдясь этой слабости.

— Вы видели кого-нибудь в коридоре? — спросила Виктория Семёновна. — Может, кто-то стоял у двери? Или вы слышали шаги?

Елена Михайловна покачала головой.

— Нет. Там всегда тихо по вечерам. Школа старая, коридоры длинные, и звук как будто тонет в этих стенах. Но… — она вдруг снова повернулась, — я вспомнила одну вещь. Когда я выходила через главный вход, на полу в вестибюле были мокрые следы. Как будто кто-то прошёл в сырой обуви. Я тогда не придала значения — подумала, что кто-то из уборщиков пролил воду. Но теперь… теперь мне кажется, что это важно.

Виктория Семёновна переглянулась с Вадиком. Мокрые следы. Дождь, которого не было. Влага на одежде.

— Где эта подсобка? — спросила она.

— В дальнем крыле, — тихо ответила Елена Михайлов-

на. — Рядом с котельной. Там всегда сыро. Трубы старые, текут…

Котельная. Сырость. Подсобка.

Всё сходилось в одну точку.

— Вадик, — сказала Виктория Семёновна, поднимаясь, — бери двух ребят и езжайте в музыкальную школу. Осмотрите подсобку, котельную, все места, где может быть вода. И найдите уборщицу — она наверняка знает, кто ходил по школе вечером.

Он кивнул и быстро вышел, прихватив с собой папку.

— А вы, Елена Михайловна, — обратилась она к женщине, — подождите здесь. Мне понадобится ваше описание всех, кто мог быть в школе. Коллеги, ученики, родители… даже случайные люди, которые заходили за чем-то.

Та снова кивнула, опустив глаза, и села на стул, который ей пододвинул дежурный.

Виктория Семёновна вернулась к своему столу, но не села. Вместо этого подошла к окну. За стеклом шёл мелкий, упрямый дождь — такой, какой бывает в конце октября, когда небо уже не надеется на солнце.

И тут её телефон тихо звякнул. Сообщение от неизвестного номера:

«Ты думаешь, это просто следы воды? Посмотри глубже. Ты знаешь, что искать».

Она замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Кто-то следил за ней. Кто-то знал, что она вспомнит ста-

рое дело. Кто-то хотел, чтобы она вспомнила.

И этот кто-то был слишком близко.

Глава вторая

Вадик Сомов первым шагнул в вестибюль музыкальной школы — и будто провалился в другой мир. Здесь пахло не пылью и мелом, как в обычных учреждениях, а старым деревом, канифолью и чуть-чуть — сыростью. Длинный коридор уходил в полумрак, и свет редких ламп ложился на пол неровными пятнами, будто кто-то рассыпал монеты и не стал их подбирать.

— Держи левее, — бросил он одному из оперативников, Игорю, — бери подсобку. Я с Петей — в котельную. И фонарики не выключайте: тут проводка старая, свет может мигнуть в любой момент.

Игорь кивнул и свернул к узкой двери в конце коридора. Та поддалась не сразу — скрипнула, будто не хотела пускать. Внутри было тесно: стеллажи до потолка, коробки с пожелтевшими нотами, старые афиши, свёрнутые в рулоны. На полу — тёмная полоса, будто кто-то волок что-то тяжёлое.

Он присел, провёл пальцем по полу. Влажно. Не просто пыль — именно влага, липкая, с запахом затхлости. Он достал пакет для улик и аккуратно соскрёб немного налёта с доски — пригодится экспертам. Потом поднял взгляд выше: на полке, почти у самого потолка, стояла жестяная коробка с надписью «Архив 2018–2020». Он потянулся, снял её — и внутри что-то звякнуло. Не бумага. Металл.

Открыв крышку, он замер. Там лежали три ключа на толстой проволочной связке. На каждом — бирка: «Котельная», «Подвал», «Запасной выход». А под ними — сложенный вдвое лист бумаги, пожелтевший по краям. Игорь развернул его дрожащими пальцами. Это был черновик заявления — не на имя директора, а в полицию.

«Прошу принять меры в отношении сотрудника музыкальной школы, который неоднократно угрожал мне в связи с отказом участвовать в сборе средств на ремонт…»

Дальше фамилия была вымарана жирным штрихом, будто кто-то пытался стереть её до дыр. А в углу — дата: октябрь 2019 года. Тот самый год, о котором говорила Лазарева.

Он сфотографировал лист, аккуратно упаковал ключи и быстро вышел в коридор, чтобы не потерять сигнал на телефоне.

Тем временем Вадик и Петя спускались по узкой лестнице в котельную — туда, где трубы пели свою вечную песню, а воздух был густым от пара и ржавчины. Дверь открылась с лязгом, и их накрыло волной тепла, смешанного с запахом горелого масла.

— Смотри под ноги, — предупредил Вадик, водя лучом фонаря по полу. Вода здесь стояла не лужами, а тонкими дорожками, стекающими к решётке стока. И на бетоне — отчётливые следы. Не просто размазанные капли, а отпечатки подошв, глубокие, будто человек стоял здесь долго, не шевелясь.

Петя присел, достал рулетку, измерил длину следа.

— Сорок второй размер, — пробормотал он. — Рифлёная подошва. Похоже на рабочие ботинки.

Вадик кивнул, но его взгляд зацепился за другое. На трубе, прямо над местом, где стояли следы, висел обрывок ткани — тёмно-синий, грубый. Он аккуратно снял его пинцетом и положил в пакет.

А потом заметил ещё одну деталь: вентиль на трубе был приоткрыт. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы из щели сочилась тонкая струя воды. Вадик протянул руку — вода была тёплой.

— Кто-то специально это сделал, — тихо сказал он. — Не авария. Кто-то открыл, чтобы здесь было мокро.

Петя поднял на него глаза.

— Думаешь, жертву привели сюда?

— Думаю, что здесь что-то прятали. Или смывали.

В этот момент у Вадика завибрировал телефон. Сообщение от Лазаревой: *«Нашли уборщицу. Она ждёт у входа. Говорит, что видела кого-то в школе вечером. Срочно».*

Он быстро поднялся по лестнице, оставив Петю документировать следы. В вестибюле уже стояла женщина лет шестидесяти, в тёплом пальто и вязаной шапке, которую она то и дело теребила в руках. Рядом с ней — Игорь, держащий в руках пакет с ключами и бумагой.

— Я её сразу заметила, — говорила уборщица, голос у неё был тихий, но твёрдый. — Она шла не как свои, не по-хо-

зяйски. Как будто боялась, что её увидят. В капюшоне, лицо закрыто. Но я запомнила одно: у неё на рукаве была такая нашивка — синяя, с жёлтым узором. Как у рабочих.

Вадик переглянулся с Игорем.

— Рабочие? Какие рабочие?

— Да тут в прошлом месяце трубы чинили. Бригада из какой-то конторы. Они все в таких куртках ходили. Я ещё тогда подумала — странно, что они по вечерам тут шастают.

— У вас остались их контакты?

Женщина покачала головой.

— Только название на куртке помню. «ТеплоСервис-М».

Вадик записал название в блокнот, потом посмотрел на пакет в руке Игоря.

— Что у тебя?

— Ключи. И черновик заявления. От кого-то из сотрудников — на коллегу. Фамилия замазана. Но дата — 2019 год.

Вадик почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. 2019. То самое старое дело. То, которое не закрыли.

Он достал телефон и набрал номер Лазаревой.

— Виктория Семёновна, — сказал он, стараясь говорить ровно, — у нас тут две зацепки. Первая — следы в котельной, вентиль открыт специально. Вторая — уборщица видела кого-то в рабочей куртке. И ещё… мы нашли черновик заявления с 2019 года. Похоже, в этой школе годами что-то тлело.

На том конце провода повисла тишина. Потом Лазарева

тихо сказала:

— Привози всё. И эту уборщицу тоже. Нам нужно понять, кто из старых сотрудников до сих пор здесь работает. И кто мог знать про котельную.

Когда они вернулись в отдел, Виктория Семёновна уже сидела за столом, а перед ней лежала папка «Сабанеева-2019». Она медленно перелистывала страницы, пока Вадик выкладывал на стол улики: пакет с тканью, фото следов, ключи, черновик.

— Значит, котельная, — повторила она, глядя на фото. — Тёплая вода. Мокрые следы. И заявление, которое кто-то не хотел, чтобы нашли.

Елена Михайловна, сидевшая в углу, вдруг тихо сказала:

— Я вспомнила ещё кое-что. В том году, в 2019-м, у нас был конфликт из-за ремонта. Директор хотел собрать деньги с преподавателей, а Анна… она отказалась. Сказала, что это незаконно. После этого у неё в кабинете кто-то разбил стекло. И никто ничего не доказал.

Виктория Семёновна подняла на неё глаза.

— Вы знали об этом заявлении?

Елена Михайловна покачала головой.

— Нет. Но я догадывалась, что она что-то писала. Она тогда стала такой… осторожной. Как будто ждала удара в спину.

Лазарева снова посмотрела на улики. Теперь всё складывалось в единую картину: старое недовольство, подавленное,

но не забытое; котельная как место, где легко спрятать следы; и человек, который знал, как здесь всё устроено.

Она взяла ручку и написала на чистом листе:

Проверить «ТеплоСервис-М» — кто был в бригаде в 2019 году.

Поднять списки сотрудников школы за тот год — кто уволился, кто остался.

Сравнить следы из котельной с обувью подозреваемых.

Потом подняла голову.

— Вадик, — сказала она, — завтра с утра поедешь к директору школы. Пусть даст доступ ко всем документам за 2019 год. Мы найдём того, кто замазал фамилию в заявлении. И тогда поймём, кто хотел, чтобы Анна Резвых замолчала. Навсегда.

Телефон снова звякнул. То же неизвестное сообщение: *«Ты уже близко. Но смотри не на тех. Смотри глубже».*

Она сжала телефон в руке, чувствуя, как холод ползёт по спине. Кто-то знал каждый её шаг. И этот кто-то явно не хотел, чтобы она остановилась.

Глава третья

Кабинет директора музыкальной школы имени Сабанеева располагался на втором этаже — в самом тихом крыле здания, где даже шаги по коридору звучали приглушённо, будто школа сама не хотела, чтобы сюда доносились лишние звуки. Вадик Сомов постучал — коротко, официально, без лишней настойчивости. Ответа не последовало. Он постучал снова, чуть громче.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалось лицо — сухое, собранное, с той особой неподвижностью, которую вырабатывают люди, привыкшие держать дистанцию.

— Да? — голос был ровный, без оттенка раздражения или гостеприимства. Просто констатация факта: «я здесь, говорите».

— Вадим Сомов, оперуполномоченный. У меня поручение от старшего следователя Лазаревой. Нужно обсудить обстоятельства гибели Анны Резвых и получить доступ к документам за 2019 год.

Директор чуть приподнял бровь — единственный признак того, что фраза его задела.

— Проходите, — он распахнул дверь шире, но сам остался стоять в проёме, будто обозначая границу: «дальше — только по моему разрешению».

Кабинет был обставлен строго, почти аскетично: массивный стол, на нём — стопка папок и один-единственный предмет, выбивавшийся из общей картины, — бронзовая статуэтка балерины, застывшей в неустойчивом пируэте. На стене — дипломы, грамоты, фотографии с открытия концертного зала. Ни одной личной вещи. Ни фото семьи, ни чашки с надписью, ни даже комнатного цветка.

— Присаживайтесь, — сказал директор, усаживаясь сам и указывая на стул напротив. — Я — Игорь Николаевич Воронов. И сразу скажу: я крайне обеспокоен случившимся. Анна Павловна была ценным сотрудником.

Вадик сел, положил на стол блокнот и ручку.

— Ценным — или неудобным? — спросил он спокойно, не пытаясь давить, но и не сглаживая углы.

Воронов едва заметно напрягся — так, как напрягаются люди, когда слышат не то, что привыкли слышать в официальных беседах.

— Что вы имеете в виду?

— В 2019 году в школе был конфликт из-за сбора средств на ремонт. Анна Резвых отказалась сдавать деньги и заявила, что это незаконно. Есть заявление в полицию — правда, фамилия того, на кого оно написано, замазана. Вы об этом знали?

Директор откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком. Его взгляд скользнул по бронзовой балерине, будто он искал в ней опору.

— Знал, — ответил он наконец. — Но это была обычная рабочая ситуация. Люди нервничали, ремонт затягивался, подрядчики давили. Кто-то хотел решить вопрос быстро, кто-то — по правилам. Анна Павловна относилась ко вторым.

— И кто был из первых? Кто давил?

Воронов помолчал.

— У меня нет оснований кого-либо обвинять.

— Зато у меня есть основания проверять. Нам нужны списки сотрудников за 2019 год: кто работал, кто уволился, по какой причине. И контакты бригады «ТеплоСервис-М», которая чинила трубы в тот период.

На лице директора мелькнуло что-то похожее на досаду — не испуг, не панику, а именно досаду человека, которому приходится нарушать собственные правила.

— С бригадой сложнее, — сказал он, не глядя на Вадика. — Это была разовая работа. Документы могли не сохраниться.

— А могли и сохраниться, — спокойно ответил Вадик. — И если они у вас в архиве — лучше дать их сейчас, чем потом объяснять прокурору, почему не дали сразу.

Воронов снова помолчал, потом встал, подошёл к шкафу, достал тонкую папку. Пролистал её, остановился на одном листе, долго смотрел на него, будто пытаясь прочитать между строк. Потом протянул Вадику.

— Вот список сотрудников за 2019 год, — голос звучал

ровно, но в нём появилась новая нота — усталость. — Что касается «ТеплоСервис-М» … у нас был договор, но он истёк, и я не уверен, что бухгалтерия хранит копии дольше пяти лет.

Вадик взял список, быстро пробежал глазами. Фамилии, должности, даты приёма и увольнения. Почти все знакомые: Елена Михайловна Костина, ещё несколько преподавателей. Но одна фамилия заставила его задержаться:

Григорьев С. В. — завхоз, уволен по собственному желанию, октябрь 2019.

— Завхоз, — повторил Вадик, поднимая глаза. — У него были ключи от всех помещений. От котельной, от подсобки, от подвала.

Воронов кивнул, но не спешил развивать тему.

— Да. Он проработал у нас три года. Потом ушёл. Сказал, что нашёл место с большей зарплатой.

— А почему именно в октябре? В разгар ремонта?

Директор снова посмотрел на балерину, будто она могла подсказать ему правильный ответ.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Мы не обсуждали детали.

— Вы не находите странным, что человек, который отвечал за коммуникации, уходит ровно тогда, когда в школе начинаются проблемы с трубами? И ровно тогда, когда Анна Резвых пишет заявление?

В кабинете повисла тишина. Воронов медленно опустил

руки на стол, и Вадик заметил, как побелели костяшки его пальцев — единственный признак напряжения.

— Я не люблю строить теории на совпадениях, — произнёс директор, и теперь в его голосе прозвучала не усталость, а холодная твёрдость. — Если у вас есть доказательства связи — предъявите. Если нет — не делайте поспешных выводов. Эта школа — не просто здание. Здесь учатся дети. И я не позволю превращать её в площадку для домыслов.

Вадик не стал спорить. Вместо этого он достал из папки фото следов из котельной и положил на стол.

— Эти следы — в котельной. Рядом — вентиль, который был приоткрыт намеренно. На полу — мокрые дорожки. И на одежде жертвы — влага, которой не могло быть из-за дождя. Вы как человек, отвечающий за состояние здания, понимаете, что это значит?

Воронов посмотрел на фото, и на секунду маска спокойствия дрогнула. Он провёл пальцем по краю снимка, будто хотел стереть изображение.

— Это… техническая неисправность, — сказал он, но уже без прежней уверенности.

— Или продуманная сцена, — тихо добавил Вадик. — Кто-то знал, где течёт труба. Кто-то знал, как открыть вентиль. Кто-то знал, что в котельной всегда сыро. И этот кто-то имел доступ.

Он пододвинул к директору список и ткнул пальцем в фамилию завхоза.

— Григорьев. Где он сейчас?

Воронов вздохнул, откинулся на спинку кресла и наконец посмотрел Вадику прямо в глаза — без высокомерия, без попытки спрятаться за должностью.

— Я не знаю, — честно сказал он. — После увольнения он не выходил на связь. Но… — он снова помолчал, — есть одна деталь, которую я не хотел вспоминать. В тот год, осенью, я застал его в подсобке. Он что-то прятал в жестяной коробке — быстро захлопнул крышку, когда увидел меня. Я тогда не придал значения. Решил, что личные вещи. А теперь… теперь мне кажется, что он что-то скрывал.

Вадик записал это в блокнот, стараясь не выдать волнения.

— Спасибо, что сказали. Это важно.

— Надеюсь, — сухо ответил Воронов, — что это поможет найти того, кто сделал это с Анной. Но я прошу: не афишируйте эту историю в школе. Дети и так напуганы. Преподаватели на грани.

— Мы будем осторожны, — пообещал Вадик, убирая блокнот. — Но мне всё равно понадобятся контакты «ТеплоСервис-М» и любые документы по ремонту 2019 года. Даже если они в архиве.

Директор кивнул, встал, подошёл к сейфу, достал ещё одну папку и протянул её Вадику.

— Здесь копии договоров и актов. Остальное — в архиве, на третьем этаже. Я распоряжусь, чтобы вам открыли доступ.

Когда Вадик вышел из кабинета, коридор показался ему ещё более узким и тёмным, чем раньше. Он остановился у окна, открыл папку и быстро пролистал страницы. Среди бумаг мелькнула квитанция с печатью «ТеплоСервис-М» — и фамилия прораба: *С. В. Григорьев*.

Тот самый Григорьев. Завхоз и прораб в одной бригаде? Или просто совпадение?

Телефон тихо звякнул. Сообщение от Лазаревой: *«Нашли адрес Григорьева. Он снимал комнату в доме на Лесной, 17. Поезжай туда. И будь осторожен — если он причастен, он знает, как прятаться».*

Вадик ещё раз посмотрел на здание школы — на её старые окна, на тяжёлые двери, на вывеску с именем Сабанеева, которая слегка покачивалась на ветру. Казалось, школа сама хранила свои секреты — и неохотно, по крупицам, отдавала их тем, кто умел спрашивать.

Глава четвёртая

Дом на Лесной, 17 оказался из тех, что строили в семидесятых — тяжёлый, кирпичный, с широкими лестничными пролётами и запахом старого подъезда, в котором навсегда поселились сырость и варёная капуста. Вадик поднялся на третий этаж, где, по данным участкового, находилась комната Григорьева. Дверь была обшарпанная, с облупившейся краской, а на косяке — три разных замка: один навесной, два врезных. Кто-то очень старался обозначить границу: «сюда не входить».

Вадик постучал — сначала вежливо, потом, не дождавшись ответа, чуть сильнее. Тишина. Он достал из кармана перчатки, надел их и осторожно дёрнул ручку. Заперто. Тогда он отошёл на шаг, оглядел дверь и постучал в соседнюю.

Через минуту щёлкнуло, скрипнуло, и в щели приоткрывшейся двери показалось лицо пожилой женщины в тёплом вязаном платке. Она смотрела насторожённо, будто ждала плохих новостей.

— Вы из полиции? — спросила она, не дожидаясь представления. — Я сразу поняла. У вас вид такой… официальный.

— Да, — спокойно кивнул Вадик. — Вадим Сомов. Ищу сведения о Сергее Григорьеве. Он снимал комнату 312. Вы его знали?

Женщина чуть приоткрыла дверь, но не шире, чем нужно, чтобы не впускать холод.

— Знала. Тихий был. Не буйный, не пил, не водил гостей. Но… — она запнулась, будто подбирала слово, которое не обидит мёртвого, — какой-то он был… собранный. Как будто всегда начеку. Однажды я спросила: «Сергей, ты что, военный?» А он усмехнулся: «Почти. Я по трубам спец».

Вадик почувствовал, как внутри шевельнулось что-то похожее на предчувствие.

— А когда вы его видели в последний раз?

— Месяца три назад. Он зашёл, забрал почту из ящика, кивнул мне и пошёл. И с тех пор — ни слуху, ни духу. А хозяйка, Зинаида Петровна, сказала, что он съехал. Без объяснений. Просто оставил ключи в почтовом ящике и всё.

— Хозяйка здесь?

Женщина покачала головой.

— Она теперь редко приходит. Говорит, нервы не выдерживают. Но у неё есть знакомый управдом — он может открыть комнату. Если надо по закону.

Вадик достал удостоверение, показал.

— Надо. Это по делу об убийстве. Комната может содержать важные сведения.

Соседка помолчала, потом вздохнула.

— Подождите тут. Я позвоню управдому. Он мужик строгий, но справедливый.

Она закрыла дверь, оставив узкую щель, и через пару ми-

нут в подъезде послышались тяжёлые шаги. Появился мужчина в куртке с нашивкой ЖЭКа, с ключами на кольце, которые позвякивали при каждом шаге.

— Ну, чего там? — буркнул он, не глядя на Вадика. — Опять кто-то что-то натворил?

— Ничего не натворил, — спокойно ответил Вадик. — Ищем следы. Комната 312, бывший жилец — Сергей Григорьев. Нужно осмотреть.

Управдом хмыкнул, подошёл к двери, перебрал ключи, выбрал один, вставил в замок. Щёлк. Потом ещё один. И наконец — третий. Дверь открылась с протяжным скрипом, будто не хотела выпускать наружу то, что хранилось внутри.

Комната оказалась маленькой, почти монашеской: кровать у стены, стол, стул, шкаф с облупившимися дверцами. На столе — стопка старых газет, пустая чашка, календарь за позапрошлый год. И ни одной фотографии. Ни одной личной вещи, которая могла бы рассказать о человеке.

Но Вадик сразу заметил одну деталь: на полу, у самой стены, лежал кусок линолеума, который явно был сдвинут. Он подошёл, приподнял его — и под ним обнаружился деревянный люк. Не полноценный подвал, а тайник, встроенный в пол.

— Вот это да… — тихо пробормотал управдом. — А я и не знал.

Вадик опустился на корточки, потянул за железное кольцо. Крышка поддалась не сразу, потом скрипнула и откры-

лась, выпустив наружу запах пыли и старого дерева. Внутри, на дне, лежала картонная папка, перетянутая бечёвкой, и маленькая жестяная коробка, похожая на те, что хранят документы или украшения.

Он достал папку первым делом. Внутри — квитанции, старые договоры, выписки. И среди них — копия договора подряда от «ТеплоСервис-М» на ремонт труб в музыкальной школе. Вадик перевернул страницу — и замер. В графе «Прораб» стояла фамилия: *Григорьев С. В.* А в графе «Исполнитель» — та же фамилия, но уже как завхоз школы. Один человек — две роли.

Рядом лежала фотография. Чёрно-белая, старая, с загнутым уголком. На ней — группа рабочих у фасада школы. Григорьев стоял в центре, в каске, с разводным ключом в руке. А рядом с ним — молодой мужчина, в куртке без нашивок, но с таким же жёстким, собранным взглядом. Вадик присмотрелся — и вдруг понял: он видел это лицо. В деле 2019 года. Это был тот самый свидетель, который исчез.

В жестяной коробке оказалось ещё интереснее: блокнот в кожаной обложке, исписанный мелким, почти неразборчивым почерком. Вадик пролистал его — и на середине страницы наткнулся на фразу, обведённую кружком: *«Если что — не ищи меня в городе. Я знаю, где спрятаться»*. Ниже — адрес. Не городской, а дачный: посёлок Рябиновка, дом 4. И дата — два дня назад.

Телефон в кармане тихо звякнул. Сообщение от Лазаре-

вой: *«Нашли связь между Григорьевым и исчезнувшим свидетелем. Они были знакомы ещё до школы. Проверь его комнату — может, там есть зацепка»*.

Вадик улыбнулся уголком губ. Она всегда чувствовала, куда копать.

— Спасибо, — сказал он управдому и соседке, которая всё ещё стояла в дверях, прислушиваясь. — Вы очень помогли.

— Это он убил? — тихо спросила женщина.

Вадик не стал обещать.

— Пока не знаю. Но он что-то знал. И, возможно, знал слишком много.

Он аккуратно упаковал папку, блокнот и фотографию в пакет для улик, закрыл тайник и опустил линолеум на место.

Когда он вышел из подъезда, небо уже темнело, а ветер гнал по асфальту сухие листья, словно пытался замести следы. Вадик сел в машину, открыл навигатор и вбил адрес: *посёлок Рябиновка, дом 4*.

Дорога туда занимала около сорока минут. И он знал: если Григорьев там, разговор будет коротким. Если нет — придётся искать дальше. Но теперь у них была ниточка. Тонкая, но прочная.

Глава пятая

Дорога в Рябиновку петляла между старыми соснами, будто специально старалась запутать того, кто ехал впервые. Вадик смотрел на навигатор, потом на обочину, где редкие домики прятались за покосившимися заборами. Дом 4 нашёлся почти на самом краю посёлка — не дача, а скорее сторожка: одноэтажная, с потемневшими брёвнами и крышей, на которой кое-где не хватало черепицы.

Вадик заглушил двигатель, прислушался. Тишина была не уютной, а насторожённой — из тех, что бывают перед грозой. Он достал перчатки, проверил рацию, сделал пару шагов к крыльцу. Доски под ногами скрипнули — громко, неестественно, будто дом предупреждал: «Не ходи дальше».

Дверь была приоткрыта — не настежь, а ровно настолько, чтобы казаться случайностью. Но Вадик знал: случайностей в таких делах не бывает. Он потянул ручку, шагнул внутрь.

В прихожей пахло пылью и сыростью, а ещё — чем-то резким, похожим на растворитель. Свет из окна ложился на пол косыми полосами, и в одной из них Вадик сразу заметил следы. Не аккуратные отпечатки ботинок, а смазанные полосы, будто кто-то волок что-то тяжёлое. Или кого-то.

Он двинулся дальше — в единственную комнату. Там царил беспорядок, но не тот, что бывает от спешки, а словно кто-то целенаправленно что-то искал: ящики стола выдвину-

ты, бумаги разбросаны, матрас сдвинут. На полу — тёмное пятно, похожее на засохшую кровь. Вадик замер, достал телефон, сделал несколько фото, стараясь не наступать на улики.

И тут взгляд зацепился за деталь, которая не вписывалась в общую картину: на подоконнике, почти у самого стекла, лежала сложенная вдвое записка. Обычная тетрадная страница, вырванная с неровным краем. Вадик подошёл ближе, присмотрелся. Почерк был торопливым, буквы прыгали, будто писавший боялся, что его застанут.

«С. — не верь никому. Они знают, что ты копаешь. Уходи, пока можешь. Если не успеешь — ищи в котельной, но не там, где вода. Там, где тень. Ключ у Е.М.»

«Е.М.»… Елена Михайловна? Та самая коллега Анны Резвых? Вадик почувствовал, как по спине пробежал холодок. Кто-то знал, что они идут по следу, и пытался либо предупредить Григорьева, либо заманить их в ловушку.

Он огляделся, пытаясь сложить картину: Григорьев приехал сюда, возможно, чтобы спрятаться. Но его нашли. Или он сам ушёл, оставив записку как предупреждение. А может, его увели силой — об этом говорили смазанные следы и беспорядок.

На столе лежала старая коробка из-под обуви. Вадик осторожно приподнял крышку. Внутри — пачка фотографий, несколько конвертов и маленькая записная книжка. Он открыл её на середине: страницы были исписаны датами, циф-

рами, непонятными сокращениями. И одна фраза, обведённая красным: *«Они не хотели платить. Они хотели заставить»*.

Рядом — список фамилий. Вадик вгляделся: среди них мелькнула фамилия Воронова, директора музыкальной школы. И ещё одна — незнакомая, но с пометкой «прораб».

Телефон тихо звякнул. Сообщение от Лазаревой: *«Пробили адрес. Дом числится за бывшей тёщей Григорьева. Она умерла два года назад, но он продолжал сюда приезжать. И ещё: Елена Михайловна Костина не появлялась на работе с утра. Её телефон вне зоны доступа»*.

Вадик резко выпрямился. «Ключ у Е.М.». Если это она оставила записку — значит, она знала, где прячется Григорьев. А если её нет на работе… значит, она либо прячется, либо её забрали.

Он быстро упаковал записку и записную книжку в пакет для улик, сделал ещё несколько фото комнаты, стараясь ничего не трогать. Потом вышел на крыльцо, вдохнул холодный воздух, который вдруг показался ему слишком чистым после затхлого запаха дома.

По дороге к машине он заметил ещё одну деталь: в траве, у самой тропинки, лежал брелок — металлический, с выцветшей эмалью. Вадик наклонился, поднял. На обратной стороне — гравировка: *«ТеплоСервис-М»*. Тот самый подрядчик. Кто-то обронил его, когда уходил. Или, когда убегал.

Когда Вадик вернулся в отдел, Лазарева уже ждала его

у своего стола. На стене висела схема, которую она успела набросать: стрелки соединяли музыкальную школу, дом на Лесной, Рябиновку. В центре — фотография Григорьева, обведённая красным.

— Рассказывай, — коротко сказала она, не поднимая глаз от бумаг.

Вадик выложил на стол улики: записку, фото, брелок.

— В доме следы борьбы, — начал он. — Или поспешного ухода. Записка адресована Григорьеву. В ней говорится про котельную и про ключ у Е.М.

Лазарева подняла глаза.

— Елена Михайловна, — тихо повторила она. — Она исчезла.

— И ещё вот это, — Вадик протянул записную книжку. — Там список фамилий. Воронов среди них. И пометка: «Они не хотели платить. Они хотели заставить».

Виктория Семёновна медленно перевернула страницу, вчиталась. Потом подняла голову, и Вадик увидел в её взгляде ту самую холодную решимость, которая появлялась у неё, когда пазл начинал складываться.

— Значит, это не просто убийство из-за старого конфликта, — сказала она. — Это часть чего-то большего. Ремонт, деньги, давление. Григорьев знал слишком много. И кто-то не хотел, чтобы он говорил.

Она взяла брелок, повертела в пальцах.

— «ТеплоСервис-М». Тот самый подрядчик. Если они

причастны, у них есть доступ ко всем коммуникациям. И к котельной — особенно.

— Что делаем? — спросил Вадик.

— Сначала ищем Елену Михайловну, — твёрдо сказала Лазарева. — Если у неё ключ — значит, она знает что-то важное. А потом едем в котельную. Не туда, где вода, а туда, где тень.

Она снова посмотрела на схему, провела пальцем по стрелке, ведущей от Рябиновки к музыкальной школе.

— Кто-то очень хочет, чтобы мы шли по этому следу, — тихо добавила она. — Но я не позволю вести себя, как марионетку. Мы найдём Елену Михайловну. И узнаем, что за тень прячется в котельной.

Глава шестая

Город к вечеру будто съёжился: фонари зажигались раньше, чем обычно, и свет их казался тусклым, будто боялся привлечь лишнее внимание. Вадик ехал по знакомым улицам, но сегодня они выглядели иначе — чужими, насторожёнными. Он держал в голове три адреса: квартира Елены Михайловны, дача её сестры под городом (о которой та както обмолвилась на допросе) и старая библиотека, где Елена иногда брала редкие учебники по сольфеджио — тихое место, где её никто не искал.

Первым делом — квартира. Дом был типовой, девятиэтажка с обшарпанным подъездом и почтовыми ящиками, у которых не хватало дверок. Вадик поднялся на пятый этаж, прислушался у двери. Тишина. Он нажал кнопку звонка — длинный, резкий звук, который, казалось, разбудил весь этаж. Никто не открыл. Тогда он постучал — сначала вежливо, потом твёрже.

— Елена Михайловна! Это полиция. Если вы дома, пожалуйста, откройте.

Тишина. Только где-то за стеной щёлкнуло — будто кто-то прикрыл дверь, чтобы не слышать. Вадик достал телефон, набрал дежурную часть: — У меня по адресу Костина Е. М. Нет контакта. Нужна проверка по соседям.

Через пять минут из соседней квартиры выглянула жен-

щина в халате, с полотенцем на плече. — А, вы насчёт Елены… — она понизила голос. — Я её с утра не видела. Но вчера вечером она приходила. Торопилась. Сумка была большая, почти как чемодан. И лицо… такое, будто она сама себя уговаривала не оглядываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.